

СЕМИОСФЕРА

0 динамике культуры

Глава 3. Культура и информация

Цель лекции: представить динамику культуры в виде структурно организованной знаковой системы.

План:

1. Динамика культуры: формирование, принципы существования, особенности взаимодействия, возможности интерпретации.
2. Пространственно-временной континуум культуры на семиотическом и семантическом уровне.

Одной из главных презумпций семиотики является предположение о существовании до – или вне семиотического пространства, по антитезе с которым определяются основные понятия семиотики. Такой подход вполне оправдан эвристически. Ошибка заключается не в нем, а в смешении принципов: логическую условность мы начинаем воспринимать в качестве эмпирической реальности.

Одна из подобных условностей – предположение о существовании в динамических процессах некоторой начальной точки, условного нуля: задается «нулевое состояние», никогда не данное нам в эмпирической реальности. Так, мы строим модель динамики культуры, начиная от точки «семиотического нуля», место которого совмещается с животным миром. «Ноль» из области эвристической условности переносится в наши представления о реальности: «условный ноль» таит в себе мифологию начала.

Узловые моменты жизни: браки, воспитание детенышей, охота, вообще всякая оценка ситуации и выбор соответствующего ей действия – предстают как строго ритуализованные. Однако необходимо подчеркнуть, что само явление ритуала имеет своеобразный характер. Основную роль в ритуале играет организация памяти, и сам он представляет собой механизм приобщения индивида к групповой памяти. Поэтому вне человеческого мира ритуал создает систему постоянной организации, не оставляющей пространства для эволюции или весьма сильно ее ограничивающей. Он отсекает у отдельного индивида возможность индивидуального поведения и делает последнее жестко предсказуемым. В этом смысле характерны случаи, когда животное оказывается выбитым из «нормальных» условий поведения. Про такого хищника охотники говорят, что он особо опасен, так как поведение его непредсказуемо. Но подобное немотивированное, опасное для окружающих поведение можно описать и с иной точки зрения: являясь деградацией с позиции ритуала, оно характеризуется, однако, резким увеличением непредсказуемости и может быть описано как динамический момент взрыва подобного увеличения роли индивидуального поведения.

Исторический процесс, пришедший на смену циклическому, привел к образованию постоянного конфликта между повторяемостью и внутренней динамикой форм поведения. Динамические процессы приобрели в определенных критических точках непредсказуемый характер, но сменяющие их процессы стабилизации сохранили высокую предсказуемость и, более того, крайне ограниченный выбор вариантов возможностей. Этот двойной характер динамического процесса приводит к тому, что, в зависимости от выбора языка описания, человеческая история может представляться и как повторяющаяся один и те же структуры, и как непредсказуемая.

Таким образом, имеет смысл различать циклическую и направленную формы динамики, причем последняя может, в свою очередь, разделяться на замедленную, совершающуюся по закрепленным законам и, следовательно, отличающуюся высокой предсказуемостью, и динамику катастрофическую, с резко сниженным уровнем предсказуемости. С точки зрения последних двух форм развития, динамика регулярных повторяемостей переживается как статика.

Сложность усугубляется тем, что в реальном историческом процессе мы никогда не имеем равномерной, последовательной, ритмичной смены динамического и последующих «нормированных» этапов развития. В реальной истории со-присутствуют многие динамические, но не синхронизированные, обладающие разным временем развития, не связанные между собой процессы, а также хронологически одновременные им процессы, переживающие период

устойчивости, в других сферах развития. Так, например, бурное развитие и взрывы в той или другой сфере науки могут хронологически и причинно не быть связанными с соответствующими взрывными движениями в разнообразных сферах быта. Взрывное состояние в искусстве может быть синхронным стабилизации в политической сфере. Однако в случаях особо бурного протекания отдельных взрывных периодов они могут навязывать свой язык другим, а в тенденции – всем динамическим процессам.

Из сказанного следует, что реальные исторические процессы многоплановы и полифункциональны, следовательно, могут быть по-разному описаны с разных точек зрения. Однако в дальнейшем мы будем, для простоты изложения, рассматривать лишь последовательность развития доминирующих структур того или иного процесса, заранее оговорив, что в реальном историческом движении все они неизменно получают окраску от различных второстепенных взрывов и «взрывных волн» предшествующих стадий.

Как уже было отмечено, в до-человеческой культуре (в данном случае, культуре высших животных) доминирует память вида. Условное поведение является формой сохранения в жизни вида или группы определенного целесообразного опыта и правильно повторяется в утвердившихся формах. При смене циклической схемы движения линейной динамикой произошло резкое расширение набора возможных типов поведения. С точки зрения других животных это должно было бы восприниматься так, что живое существо, которое является ранней формой человека, есть существо «безумное». «Нормальное» животное не могло предсказать его поведения, как невозможно предсказывать поведение сумасшедшего, сознание которого отменяет большинство запретов здорового человека. Описываемая ситуация напоминает один из конфликтов в «Книге джунглей» Р. Киплинга. Организованное, «разумное» поведение героизированных животных – персонажей книги – противопоставлено здесь бессмысленным и непредсказуемым действиям обезьян с их мнимой организацией. Можно предположить, что именно так должно было выглядеть поведение раннего человека с позиций впервые сталкивавшихся с ним животных. Эта непредсказуемость, то есть то, что человек располагал гораздо большим количеством степеней свободы, чем его противники, вынуждены ограничиваться сравнительно небольшим и предсказуемым набором поведений, ставила человека в преимущественное положение, которое с лихвой компенсировало его относительную, по сравнению с животными, не вооруженность. Киплинг чрезвычайно тонко проник в мир животных, наблюдающих «пред-человека»: последний кажется им не только безумным, но и безнравственным, ведущим «войну без правил».

Подобная ситуация будет повторяться: человек Ренессанса с позиции людей средних веков, более жестко организованных (менее динамичных), будет казаться нарушающим правила и достигающим победы запрещенными средствами, ведущим себя «не как люди». Расшатывание норм поведения – необходимое условие прогресса – субъективно переживается коллективом, погруженным в предшествующую стадию линейного процесса, не только как безумие, но и как моральная деградация. Это объясняет многократно возникающие в истории культуры утверждения о том, что животные нравственнее людей. Прорыв в новые, более широкие системы правил переживается как переход из мира правил в область безграничной свободы. «Сумасшедшее», с точки зрения животного мира, существо – человек – оказалось исключительно результативным с его собственной точки зрения. Поскольку его враги из мира животных не могли предсказывать его поведения, сопротивление их резко теряло свою эффективность.

Однако эти новые возможности нуждались в закреплении, и здесь сделалось очевидным, что выход поведения из предшествующей области предсказуемости привел не к безграничным возможностям, – то есть к хаосу, – а к новому, организованному, то есть имеющему свою расширенную ограниченность, построению. Поскольку этот новый опыт надо было ввести в передачу при смене поколений, он быстро приобрел условный, видимо, жестовый характер. Целесообразное ненаследственное поведение закреплялось в системе устойчивых для коллектива движений. Это эффективное, целесообразное поведение закреплялось и передавалось благодаря превращению его в пред-ритуал. Вопреки распространенному мнению, человек на этой стадии должен был быть не «дикарем», делающим «все что угодно», а существом с предельно «ритуализованным» поведением.

Итак, в начале человеческой культуры лежал грандиозный взрыв, быть может, катастрофической природы. Затем наступил этап закрепления того, что было завоевано в момент взрыва.

Резкой отличительной чертой новой динамики поведения было то, что она хотя и накладывалась на биологическую память и этим была связана с до-человеческим этапом эволюции, в то же время характеризовалась постоянным усилением роли индивидуального опыта. В животном мире в память вида внесены периоды ритуализованных действий. «Свободное», то есть индивидуальное поведение охватывает второстепенные моменты жизни и не фиксируется видовой памятью. Полезное закреплено в коллективе, случайное и индивидуальное подлежит забвению. В человеческом обществе расстановка закономерного и случайного изменилась: непредсказуемому поведению была отведена важная роль генератора новых возможностей. Генератор этот связался с индивидуальными поступками, и ему соответствовало расширение степеней свободы. Противонаправленный механизм — коллективный по своей природе — оценивал и включал одни из них в память общего поведения, вычеркивая другие.

В бифуркационные моменты расшатанность ограничений приводит к взрыву новых форм поведения. В период замедленного развития совершается отбор и закрепление тех из них, которые оказываются целесообразно оправданными.

Таким образом, случайные вспышки превращаются в поведение. Отбор закрепляет и включает в передаваемое следующим поколениям те из поступков, возникших во взрывной период, которые получают определенную мотивацию.

Задача сохранения индивидуального опыта потребовала новых и значительно более сложных функций памяти. Из всего многообразия типов поведения, часто случайных, целесообразность отбирала, а память сохраняла и передавала относительно ограниченный перечень того, что имело смысл. Так сложилась последовательность двух этапов: непредсказуемое увеличение новых возможностей поведения в бифуркационные моменты и последующий отбор наиболее целесообразных вариантов. Из последнего вытекает существенный вывод: на раннем этапе выбор форм поведения не имел творческого характера, то есть совершался по определенным правилам (роль случайности последовательно ограничивалась). Закрепление отобранных целесообразных жестов и поступков также требовало ритуализации: условная система движений, выпускаемых криков и музыкальных воплей служила запоминанию. Необходимость передачи не наследственных целесообразных действий требовала сближения ее с определенными формами предыскусства.

Представление о том, что деятельность человека на ранних стадиях его развития была практической в нашем смысле слова — то есть принципиально противостояла эмоционально «художественному» началу, — не подкрепляется ни имеющимся в нашем распоряжении материалом, ни теоретическими соображениями. Именно на этом этапе вопрос закрепления опыта потребовал механизмов памяти, которыми человек не обладал. Совершенно новое требование сохранить все возрастающий запас не наследственных сведений породило аппарат запоминания, художественный по своей природе. Это не было изобретением человека: можно было бы сослаться на знаменитый пример того, как пчела передает не наследственную информацию, переводя ее на условный язык «танца». Конечно, относительная стабильность передаваемых пчелами сведений позволяет ограничиться наследственной и относительно ограниченной системой «танца», между тем как открытый характер человеческой информации потребовал значительно более богатого и динамичного механизма.

Итак, уже на самых ранних этапах человеческого поведения, о которых мы можем судить только умозрительно, мы можем предположительно выделить две противонаправленные тенденции:

1. Первая — расширение возможностей жестового поведения и создание новых типов ритуализации.
2. Вторая — ограничение и отбор, закрепление в коллективной памяти, что связано с сужением ритуала.

В обоих случаях, однако, ритуал не отделен от практической деятельности и не противопоставлен ей, а является языком, в котором практический поступок приобретает функцию общественного поведения. Поэтому система осмысленных действий в архаическую эпоху была значительно более жесткой, чем на позднейших этапах. Подобно тому как люди на ранних стадиях письменной культуры не могут позволить себе использовать графику всуе и приписывают ей одновременно и сакральную функцию, и ритуал, и непосредственное практическое вмешательство в жизнь, так человек, для которого поведение во всей своей совокупности (жест, восклицание и т.д.) приобрело смысл, не мог позволить себе всуе пользоваться этими средствами. Они были одновременно и действия, и память, и миф.

Следующий этап был связан с разделением практической и мифологической сферы жизни. Практическая сфера получала значительно большую свободу, то есть переводилась на язык со значительно большим количеством элементов и возможностей их комбинаций, язык настолько более разнообразный, что субъективно он мог переживаться как не-язык, то есть как неорганизованная сфера. Область же мифологического языка сужалась и приобретала характер подчеркнутой структурности. На этом этапе семиотическое осмысление и практическое поведение все еще отождествлялись или были тесно слиты. Однако внутри этой системы уже намечается разграничение действий, имеющих значение, и значений, соотносящихся с действием: поступка, который нечто означает, и значения, которое реализуется как поступок.

Различие между этими аспектами получило в дальнейшем глубокий смысл. Поступок сделался источником восприятия определенных форм культурного поведения как носителей определенной семантики. На этой почве возникло, например, разделение практического и сакрального поедания, деритуализация одного и подчеркнутая ритуализация другого. Однако в обоих случаях поедание сохраняло не символический, а гастрономический характер. Более того, физиологическое переживание еды составляло неотъемлемую часть и ритуального поедания. Поедание должно было сопровождаться радостью физиологического утоления голода. Получение пищи более богатой, жирной, вкусной, в огромном количестве было связано с нераздельным слиянием магической функции и физиологического удовлетворения. Точно так же жесты, вопли, восклицания, смех, подчеркивающие радость и изобилие, имели и магический характер, но не были игрой. Их наполняли искренние, непосредственные эмоции, что для внешнего наблюдателя придавало бы картине мнимо хаотический вид. При этом сама физиологическая сторона поедания приобретала вторичный ритуальный характер, постепенно порождая ту систему ритуальной физиологии, которая была описана Бахтиным и целым рядом этнографов. Таким образом, субъективная деритуализация приводит к удвоению ритуала. Дальнейшее увеличение магической функции поедания, как и других физиологических процессов, приводило к серьезной перестановке акцентов.

Если, как отмечалось, вначале поедание было содержанием еще не развитого ритуала, то в дальнейшем оно превратилось в знак, в ритуальную форму, что приводило к расширению сферы содержания. Не только удовлетворение голода, но и весь комплекс положительных эмоций и значений (заклęcie мира, вся сумма брачных ритуалов и др.) мог оформляться ритуальным принятием пищи. Пир становится универсальной формой ритуала, имеющего широкое положительное значение. Одновременно он оказывается готовым ритуализованным выражением для самого различного содержания. Закрепленный характер приобретают даже эмоции, физиологическая основа которых все более знаково ритуализируется. Таковы ритуальные жесты радости на пиру, которые придают всему поведению в целом знаковый характер. Возникает необходимость обучаться веселому или трагическому поведению и умению их различать и понимать. Происходит и расширение области выражения: еда может заменяться символом еды, кровавое мясное поедание — растительным. Развивается сложная и весьма разнообразная система замен, в ходе которых вчерашнее содержание превращается в выражение, знак.

Так происходит подмена жертвоприношения жреца или другого сакрального персонажа временным его заместителем — другим человеком, например, членом иного племени, рабом, вообще — «чужим». А так как «чужой» воспринимается как «не вполне человек», то следующий шаг — замена жертвенного человека сакрализованым животным. При этом происходит усложнение семиозиса: убиваемый и, в предельно полном ритуале, поедаемый

жрец означает бога, замещающий его раб означает жреца, съдаемое ритуальное животное также исходно означает бога. Только в дальнейшем жертва богом сменяется жертвой богу. Однако постоянным является сам механизм замены, вплоть до христианского приобщения — сначала тайной вечерей, а затем евхаристией с полной заменой жертвы вином и хлебом. При этом тайная вечеря есть не просто предсказание гибели, как, рационализируя, истолковывает ее позднейшее сознание, а то же самое, что и распятие, только на другом языке. Трудность понимания этого типа подмены для сознания позднейших периодов приводила к возникновению сюжетов, усматривавших игру словами там, где изначально было обозначение одного и того же в разных системах символики. Позднейшее рационалистическое мышление склонно упрощать это мифологическое единство. Так, например, известно свидетельство об обычае обмана богов в римской практике. Божеству обещают некоторое количество голов, а после удачного завершения дела ему преподносятся головки мака. Восприятие эпизода как игры словами и обмана, конечно, более позднее истолкование раннего мифологического неразличения между знаковой жертвой и коммерческим обменом равными ценностями. Здесь юридическое мышление римлянина переводит мифологию на свой язык.

Сосказанным можно было бы сопоставить соотношение физиологического и семиотического в восприятии полового общения. Восприятие это переживало не менее сложную эволюцию. На каких-то его стадиях половое общение семиотически не отделялось от поедания, входя в общий образ изобилия и в ситуации переводимости на более общий язык (ограничение запретов вплоть до их полного снятия). В другие исторические моменты могла возникать предельная семиотизация физиологической стороны полового общения. Так, ритуал рыцарской любви включал такую степень противопоставленности бытового и знакового аспектов, которая в принципе исключала возможность полового общения. Одновременно физиологический акт, например, изнасилование рыцарем поселянки, в принципе не переводился на язык любви. Предельно противоположной поведенческой системой может считаться поведение молодежи второй половины нашего века, переводящее половое обещание в сферы «обычного», «будничного» и отделяющее его от поведения любовного и семейного.

Этап, когда поступок был одновременно речью, сменяется тенденцией к их разделению.

Принципиально новый этап в становлении культуры был связан с появлением условных знаков, полностью отделенных от обозначаемого ими предмета. Эта величайшая революция создала речь в нашем значении слова. Конечно, словесное говорение возникло значительно раньше, но тогда, когда слово не могло быть отделено от того, что оно обозначало, оно выполняло приблизительно ту же роль, которую жест играет в современном общении, — роль аккомпанемента, усилителя значения, носителя окраски; основная же семантика оставалась за обозначаемым предметом или жестом.

Дальнейшая история человечества превращается в историю пользования словами. Если до этого доминирующая роль семиотики в культуре была замаскирована практикой, то теперь семиотика становится доминирующим механизмом истории. Одним из основополагающих вопросов культуры становится ее отношение к слову. Сложность здесь усугубляется следующим обстоятельством: традиционная философия истории исходит из предположения, что появление нового этапа связано с полным уничтожением предыдущего. Однако, подобно тому как в биологической эволюции ранние формы жизни лишь частично вымирают, а в значительной мере эволюционируют, приспособляясь к новым условиям, в человеческой истории и культуре выделение новых доминант отнюдь не приводит к исчезновению предшествующего. Так, появление новейших цивилизаций не привело к исчезновению ни рабовладения, ни других — более ранних — экономических форм. В равной мере архаические системы обычаев и форм поведения отходят на периферию, но, как правило, сосуществуют с более поздними структурами.

Структура семиотического аспекта культуры противоречива. Одна тенденция связана с умножением разнообразных языков. Динамический характер процесса определяет постоянное возникновение все новых и новых знаковых систем и перестановку их доминант. Жесты, пение, танец, различные виды искусств по очереди сменяют друг друга в роли руководителей семиотического процесса. Процесс этот никогда не бывает моно структурным. Только в плане исследовательского упрощения можно представить себе изолированную историю литературы,

живописи или какого-нибудь другого вида семиотики. В реальности движение осуществляется как постоянный обмен: восприятие чужих систем, сопровождающееся переводом их на свой язык.

Принципиально новая функция языка была связана с далеко зашедшим процессом отчуждения. Отделение языка от поступка свело деятельность к жесту. Если у истоков говорение было неотделимо от действия и составляло его часть, то теперь говорение сделалось самодостаточным, и слово и жест смогли отделиться друг от друга. Это резко усилило самостоятельность семантики слова. Другая сторона процесса – отделение знака от действия и возможность появления самодовлеющих знаков. Выражением «освобождения» слова явилась возможность лживой речи. Это стало блестящим доказательством того, что язык получил совершенно новую степень свободы.

Стремление речи к стабильным формам, к застыванию в не подлежащих варьированию текстах, с одной стороны, и расширение свободы комбинации элементов речи, с другой, составляют две противоположенные тенденции, динамический конфликт между которыми лежит в основе всего процесса.